

ОТЗЫВ

на диссертацию Елизаветы Владимировны Филимоновой «Функционально-семантическая характеристика аспектуальности в русском жестовом языке» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19.

Рецензируемая диссертация посвящена аспектуальности как грамматической **характеристике** (автор с оправданной осторожностью не использует понятия **грамматическая категория**, более узко и строго формулируемого в отечественной традиции) русского жестового языка. Этот язык используется людьми с нарушениями слуха и/или речи, а также членами их семей. На протяжении всей работы аспектуальность жестового языка систематически сопоставляется с аспектуальностью обычного звукового языка, и это сопоставление является одним из крупных достоинств диссертации.

Работа состоит из четырех глав. В первой, более теоретической, речь идёт об осмыслении аспектуальности в звуковом и жестовом языках. В последующих трёх, где рассматривается больше конкретного материала жестовых языков, но и теории также посвящено много места, обсуждаются акциональность, линейная и количественная аспектуальность в русском жестовом языке.

Обращает на себя внимание исключительная теоретическая подготовка автора в проблематике аспектуальности и акциональности, о которых написано огромное количество статей и книг. Пожалуй, преимущественным вниманием Е. В. Филимоновой пользуются работы В. А. Плунгяна, но при этом подробно разбираются взгляды самых разных аспектологов, комментируется используемая терминология, обращается внимание на теоретические сложности проведения границ между аспектом и акциональностью и различными типами аспекта (в частности, привлекается методология построения акциональных классов по С. Г. Татевосову). Данные разделы имеют самостоятельную значимость и могут использоваться в качестве учебного пособия, дополняющего и уточняющего существующие курсы общей морфологии и аспектологии.

Автору прекрасно известна также обширная литература по структуре и грамматике жестовых языков. Русский жестовый язык с этой точки зрения изучен еще слишком недостаточно, хотя важные наработки появляются в последние годы и здесь. Отметим, что жестовыми языками занимаются и крупные специалисты по морфологии и аспектологии звуковых языков, типологи, например, Марк Эронофф или Эстен Даль. И это не случайно, поскольку связанное с жестом пространство возможностей представляет большой теоретический интерес.

В работе в большом объеме также использован конкретный языковой материал. Исследовательница работала с обширным корпусом жестовых текстов, собранным и затранскрибированным в Новосибирске и других городах Сибири. Одним из результатов проекта, в котором участвовал автор, является создание и развитие доступного в Интернете корпуса русского жестового языка.

Жестовые языки представляют собой своеобразное лингвосемиотическое явление: они являются в чем-то «искусственными» и «естественными» одновременно, они ситуативны и дейктивны *par excellence* и, подобно звуковой разговорной речи, сильно зависят от контекста. Будучи бесписьменными (с. 142), жестовые языки сами в то же время напоминают иероглифическую письменность (с транскрибированными фонетическими вставками, подобно японской катакане, для заимствованной из мира звука культурной лексики: *чай, сериал, палатка, сигареты, логопед, овощи*). Они имеют собственное, отличное от такового у звуковых языков, генеалогическое древо (с. 160; американский и русский жестовые языки являются потомками ранней версии французского, а британский

принадлежит к иной традиции) и диалектное членение (ср. рассуждения на с. 184 о возможных различиях между московским и сибирским жестовыми языками).

В этом контексте встает вопрос о том, как генетически соотносится грамматика, в частности, аспект, в жестовом и звуковом языках. В работе Елизаветы Филимоновой нередки указания на калькирование грамматических элементов (с. 87 о калькировании бинарного славянского вида в хорватском жестовом языке; с. 98, 137, 138 о русском жесте *стоять* со значением 'стать', который в дальнейшем грамматикализуется и как показатель начинательности). Люди, использующие жестикуляцию, владеют, хотя и неполноценно пользуются, также тем или иным звуковым языком, а некоторые даже несколькими. Разумеется, в условиях массового билингвизма калькирование грамматики ожидаемо. Очень интересен в среде пользователей жестовых языков также пуризм (с. 138), отрицательно оценивающий кальки из звукового языка. Знакомо исследователям звуковых языков и материальное заимствование грамматических морфем, а именно частицы *бы* (с. 188).

Но гораздо более интересно для исследователя языковой способности человека и когнитивных основ языка **типологическое сходство** между устройством грамматики в жестовых и звуковых языках, причем необязательно типологически сходными языками пользуются пересекающиеся коллективы говорящих (с. 100, 109 и след.). Этот факт уже установлен на материале других жестовых языков и с полной очевидностью открывается также и из исследованных Елизаветой Владимировной Филимоновой фактов. Например, имеются явные параллели между грамматикализацией морфологических форм жестовых языков и хорошо известных по звуковым языкам путей грамматикализации полных слов типа 'закончить' или 'было'. Грамматический дрейф 'результатив' > 'перфект' (с. 192) представлен и в жестовых языках. Отметим, что грамматикализованный семантика 'еще не', *not-yet* (182), построенная в русском жестовом языке на отрицании перфекта, типологически известна в языках мира; В. А. Плунгян предлагал назвать ее «кунктативом». Конечно, есть в русском жестовом языке и своя специфика, неизвестная справочникам по грамматикализации, например, семантический переход 'слово' > 'решение' > 'результат' > показатель результата (с. 187); подобные переходы представляют собой ценное дополнение к каталогам семантических и грамматических изменений.

Однако принципиальная особенность жестовых языков заключается в том, что в них очень большую роль играют иконизм (с. 90), супрасегментные признаки (например, скорость, траектория или неполная реализация жеста), а также операции вроде редупликации. Кроме того, сами более мелкие параметры, входящие в состав жеста, определенным образом семантизированы, и эта семантизация коррелирует, например, с таксономическим классом (акциональностью) предиката. В работах о жестах принято транспонировать терминологию звукового языка, говорить о «фонологии» элементов жестов, «слоге», «сонорности», «фоносемантике» и так далее. С нашей точки зрения, и здесь допустима некоторая аналогия и с иероглифической письменностью и семантизирующими составными элементами иероглифов, например, в китайском письме.

Изучая с этой точки зрения русскую жестовую аспектуальность, исследовательница выделяет ряд русских таксономических классов и аспектуальных значений. Проводится типологическое сопоставление с американским жестовым языком (ASL): «на фонологическом уровне для ASL наиболее важным становится разграничение предельных и неопредельных ситуаций, тогда как для РЖЯ наиболее значимым является разграничение ситуаций, обладающих и не обладающих внутренней членимостью» (с. 114). Особое исследование автор посвятил редупликации, и вопросы использования редупликации при маркировании аспекта в диссертации рассматриваются особо подробно.

Важные выводы связаны с противопоставлением в жестовом языке последовательной и параллельной глагольной множественности, а также с тем фактом, что линейная аспектуальность выражается в жестах аналитически, в то время как количественная иконически (редупликация, варьирование жеста). Очень интересны выделяемые автором грамматикализованные жесты, структурно аналогичные русским частицам *было* и *бывало*, причем, в отличие от звукового русского языка (и как во многих говорах и субнормативных регистрах) *было* носит не антирезультативный (восходящий к плюсквамперфекту), а экспериенциальный характер: *было так, что...* Диссертация вводит в научный оборот множество новых фактов в современном теоретическом освещении и является ценным вкладом в лингвистику.

Переходим к замечаниям, носящим частный характер. При упоминании «корреляций» тех или иных явлений, вероятно, следует продемонстрировать корреляцию в статистическом смысле слова (при помощи критерия хи-квадрат и т. п.), а не только проценты. При обсуждении признаков морфемы не упоминается такой важный, как отсутствие транскатегориальности (по этой причине жест «глагольное *не*» есть смысл считать грамматическим). На с. 95 и 160 речь заходит о грамматикализации слова (и значения) «уже»; здесь стоит упомянуть недавно введенный в теорию грамматических значений Эстеном Далем и Берндом Вельхли (2013) термин **ямитив** (от лат. iam – уже); подобное значение особенно характерно для языков Юго-Восточной Азии. Термин **проксиматив** используется то в смысле Б. Хайне («указания на временную фазу, расположенную близко к начальной границе ситуации, описываемой глаголом»), с. 124, то в смысле, принятом у В. А. Плунгяна («непредвиденной остановки процесса в непосредственной близости к финалу»), с. 174. У Хайне последний тип значений называется **авертив**. На с. 53 упоминается жест «со значением ‘человек’», но раз он не употребляется автономно, то это чистый суффикс, выступающий в обозначенной функции и только в ней. На с. 98 как будто бы утверждается, что в русском звуковом языке сочетание инхоативов с состояниями типа *начать любить* невозможно (как невозможно и в жестовом); ср., однако, нередкие примеры типа *Я постепенно начал любить жизнь, Родину, Москву и даже ВВЦ*. [Александр Зильберт. По шарам! (1997) // «Столица», 1997.09.29]. По-видимому, *любить* – не вполне чистый глагол состояния. Елизавета Владимировна Филимонова нигде не упоминает многочисленные работы Елены Александровны Гришиной о русской **сопровождающей** жестикуляции (употребляемой в качестве вспомогательной при звуковом языке коммуникантами без нарушений речи и слуха). Конечно, речевые жесты не являются предметом диссертации, но в качестве сопоставительного материала привлечь детальные данные Гришиной всё же, думается, было бы уместно – хотя бы для демонстрации возможной общности стоящих за этими двумя типами жестикуляции когнитивных механизмов и/или, наоборот, типологических различий.

Некоторые замечания рецензента к работе носят мелкий технический характер и легко исправимы. Например, работающий в Амстердаме исследователь J. Schuit в кириллице будет выглядеть скорее как Й. Схёйт, чем Дж. Шуит (с. 53). На с. 62 упоминается «третий тип» морфологии (третий после двух каких? Очевидно, сегментного и несегментного, но это надо пояснить).

Текст автореферата соответствует диссертации. Основные положения диссертации отражены в установленном количестве публикаций. Диссертация соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей области знаний.

Автор, безусловно, заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 «Теория языка». Рекомендуются публикация исследования в виде монографии.

22 апреля 2016

Старший научный сотрудник

Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

 Д. В. Сичинава

Сведения о составителе отзыва.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Почтовый адрес: 105077, Москва, Измайловский бульвар, д. 67, корпус 1, квартира 61

Электронный адрес: mitrius@gmail.com

Телефон: +79166421834

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Почтовый адрес: 119019, Москва, улица Волхонка, 18/2

Сайт организации: <http://www.ruslang.ru>

Ученая степень. Кандидат филологических наук

Должность. Старший научный сотрудник

3 статьи, близкие теме диссертации, с выходными данными:

«Длинные» и «короткие» формы на пути грамматикализации «результатив — перфект / эвиденциальность» (материалы к типологии) / Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб. Алетея, 2014, 232—243

Связь между формой и семантикой перфекта. одна неизученная закономерность // Динамические модели: сборник в честь Е. В. Падучевой. М. Языки славянских культур, 2008, 711—749

Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, № 2 (24), 2012, 257—284.

